

КЕНТАВРИЗМ — СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ?

**Тощенко Ж.Т. КЕНТАВР-ПРОБЛЕМА (Опыт философского и социологического анализа): [МОНОГРАФИЯ] /
Ж.Т. Тощенко. М.: Новый хронограф, 2011. — 536 с.**

Новая монография Ж.Т. Тощенко посвящена исследованию кентавр-проблем в познании и социальной реальности — феномена, который автор определяет как *«особую форму противоречия, особое проявление парадоксов, имеющую особенные, специфические и уникальные черты»* (с. 24). По его мнению, такие проблемы имеют место в разные исторические эпохи в разных странах, однако они получают особое развитие в современной России. Отсюда и интерес автора к проблеме, его желание разобраться с ней научными методами и определить пути дальнейшего исследования.

Сам термин, давший название книге, не был непосредственно взят автором из мифологии: оказывается, он уже применялся ранее в анализе ряда феноменов массового сознания, оставалось только его переосмыслить. Подобное в современной социологии происходило с понятием габитуса: просуществовав в литературе много веков, оно получило новую жизнь, когда П. Бурдьё включил его в структуралистский анализ общества. Ж.Т. Тощенко наполнил понятие кентавризма новым содержанием, распространив его на сферы общественного сознания и социальной действительности.

Рецензируемая книга продолжает целую серию публикаций Ж.Т. Тощенко по проблеме, среди которых наиболее известная — монография «Парадоксальный человек» (2001). Новая книга существенно развивает сюжеты прежней, поэтому можно считать ее серьезной заявкой автора на создание оригинальной «социальной теории кентавризма». Автор поставил и последовательно решил ряд задач: определил и описал феномен «кентавризма», обстоятельно проанализировал его проявления; дал типологию «кентавр-проблем» (выделив типы, связанные с явлениями, процессами, идеями, институтами, образами и личностями); разработал онтологию «кентавризмов»; раскрыл способы возникновения кентавр-проблем в познавательной и преобразующей деятельности человека и объяснил, почему в современной России кентавризмы преумножаются с особой быстротой.

В сопоставлении с рядом терминов, отражающих противоречивость познания и социальной реальности, Ж.Т. Тощенко условно определяет понятие «кентавр» как особую форму проявления противоречия или парадоксов: «Понятие ”кентавр” имеет принципиальные отличия от понятий “противоположность”, “парадокс”, “антиномия”», «...это особая форма проявления противоречия», так как здесь «мы

встречаемся с другим классом явлений и процессов, которые имеют свои особые характеристики, свои особенности в познании мира» (с. 24).

«Нашествие кентавров» (выражение Ж. Тощенко), как показывает автор, предполагает определенное состояние общественного сознания и знаменует «новую ситуацию в познании мира» (с. 429). Его объективная основа — чрезвычайное усложнение самой социальной реальности, возникновение новых потребностей общества, невозможности дать на эти потребности четкий и однозначный ответ.

«Кентавр-проблема» связана с противоречиями, однако никак не сводима к ним. Как утверждает автор, кентавризмы отличаются от противоречий, парадоксов, дихотомий, антиномий и других сходных понятий тем, что представляют собой состояние сознания (и знания), которое отражает «совмещение несовместимого», «*сочетание несочетаемого*» (с. 441). Исторически, как пишет автор, «кентавр-проблемы» возникли в сфере познания, однако затем они проявились и в общественной жизни, особенно в эпоху бурных перемен и радикальной ломки социальных, политических, экономических отношений.

Чтобы возникла «кентавр-проблема», нужны объективные моменты (наличие определенных противоречивых ситуаций в реальной действительности), субъективные условия (неумение понять реальность, нехватка знаний или квалификации для ее анализа, нежелание разобраться в сложностях проблемы и др.), которые в определенных социальных условиях способствуют формированию противоречивых образований, сочетающих в себе несовместимые компоненты. Следует упомянуть и тот факт, что «кентавр-проблемы» становятся актуальными, когда на них есть социальный заказ, заинтересованность определенных групп в манипулировании массовым сознанием и наличие соответствующих ресурсов (медиаальных, материальных, властных, символических и др.). В этой ситуации «кентавр-проблемы» могут конструироваться и культивироваться в интересах элит, отдельных лиц, демагогически навязываться массовому сознанию в качестве стереотипов и «непререкаемых мнений». Так возникают многочисленные «кентавр-явления», «кентавр-процессы», «кентавр-идеи», «кентавр-организации», «кентавр-образы» и даже «кентавр-личности».

По мнению Ж.Т. Тощенко, «кентавр-проблемы» могут не осознаваться их носителями, но быть очевидными для исследователя. Они находятся на стыке явного и скрытого знания, и поэтому для их анализа необходимо наличие инновационного потенциала. Те политики, общественные деятели, управленцы и обслуживающие их ученые, которые продолжают видеть общественное развитие как однонаправленно-линейный процесс, обречены на то, чтобы оказаться

(сознательно или бессознательно) в плену кентавризма — сначала в познании, а затем в вопросах практики, что неминуемо ведет к провалу их действий.

Представления Ж.Т. Тощенко о новой ситуации в российском обществе, — неопределенность целей, задач, средств их достижения (с. 443) — сближают его концепцию с понятием «общество риска», описанным Э. Гидденсом, У. Беком, Н. Луманом и другими западными авторами. Возможны также аллюзии к концепту симулякров Ж. Бодрийяра: то, что описывается этим термином и служит основой «гиперреальности», у Ж.Т. Тощенко получило другое имя, тогда как в обоих случаях выявлена сходная имитационная сущность явлений современного общества. «Теорию кентавризма» можно рассматривать как постсоветскую версию осмысления современности с позиций «социологии жизни», которую развивает Ж.Т. Тощенко.

Хотя проблемы российского и западного обществ, возможно, в чем-то схожи (автор утверждает, что «кентавр-проблемы» универсальны, и трудно в них не согласиться), подход Ж.Т. Тощенко и широкий круг анализируемых им феноменов связаны именно с нашей (постсоветской) реальностью. Данный подход не тождественен все еще популярному структурному функционализму, широко представленному в исследованиях зарубежных авторов XX века (от Т. Парсонса до Р. Мюнха). Не прослеживается непосредственная связь теоретического подхода Ж.Т. Тощенко и с теорией социального действия М. Вебера и его последователей. Далек он и от прагматизма, возрожденного в западной социальной мысли благодаря трудам Р. Рорти, Х. Патнema и Х. Йоаса, от постструктурализма и др. Ж.Т. Тощенко в течение ряда лет развивает собственную оригинальную теорию и методологию социологического исследования. Автор ищет гносеологические корни кентавризма (обращаясь к современным теориям познания), анализирует его социальную сущность, экономические и политические формы проявления (привлекая работы социологов, политологов, журналистов, психологов); открыто разоблачает личности и институты, так или иначе связанные с распространением кентавризма на постсоветском, прежде всего российском, пространстве (опираясь на огромное количество источников информации, данные исследований, СМИ).

Именно погруженность в широкое эмпирическое поле и необходимость осмысления новых феноменов, возникающих в процессе познания и социальной практике, приводят автора к методологически важному и ответственному тезису о необходимости новой теории: ответ на новые проблемы России «следует искать в новых подходах к осмыслению того, что происходит в реальности, а не в забытых и устаревших схемах...» (с. 5–6). Таким образом, возникновение социальной теории «кентавризма» является ответом автора на назревшую

проблему: «Кардинальные изменения, происходящие в российском обществе, привели к возникновению и проявлению новых характеристик общественного сознания и социальной практики, отличающихся от предшествующих их состояний на предыдущих этапах развития и функционирования. Данное положение имеет большое принципиальное методологическое значение. Его применение может привести к иным результатам и иному объяснению происходящего» (с. 27).

В выстраивании теории «кентавризма» со всей полнотой проявляется личностная позиция Ж.Т. Тощенко как *публичного социолога* (термин, предложенный М. Буравым) — ученого, который своими исследованиями пытается содействовать обществу в теоретическом осмыслении социальных проблем, предлагать научные подходы в сфере социальной политики, четко артикулировать собственные взгляды и моральную позицию в той или иной ситуации. Например, Ж.Т. Тощенко дает нелицеприятную характеристику современному российскому образованию, которое растеряло прежние советские достижения в попытке подстроиться под Болонский процесс, но активно стремится соединить светскость с религиозностью. Некоторые авторские оценки представляются чрезмерно радикальными, далеко не со всеми можно соглашаться, но речь идет о неотъемлемом праве автора на выражение личной позиции. Ж.Т. Тощенко остается верен себе и как теоретик, и как исследователь, и как эксперт, предлагающий обоснованные подходы в сфере социальной политики.

Можно только восхищаться незаурядной научной и гражданской смелостью Ж.Т. Тощенко, которая проявляется в «срывании покровов» с социальных «кентавризмов», разоблачении ангажированности политических и иных групп (кланов, клик, лже-мессий и хамелеонов, по выражению автора); спектр лиц и проблем, которые он критически анализирует, чрезвычайно широк. По прочтении монографии у читателя формируется панорамная картина социального мира российского общества — не нейтральная, а ярко окрашенная.

Автор прежде всего обращается к социологам-практикам. Он скрупулезно останавливается на методах прикладного социологического исследования «кентавр-проблем», желая продемонстрировать, как можно и нужно сегодня исследовать новые социальные проблемы, в какую теоретическую рамку их необходимо поместить, чтобы не остаться на уровне простого описания. Распространенность, которую уже получил в современной отечественной социологии предложенный Ж.Т. Тощенко подход к анализу «кентавр-проблем», свидетельствует о его перспективности в конкретных исследованиях социальных противоречий¹.

¹ Сам Ж.Т. Тощенко ссылается, например, на работы Л. Беляевой по анализу российского общественного мнения о трансформации общества, Ю. Вишневого (анализ современной молодежи), Л. Дробижевой и

Однако Ж.Т. Тощенко не ограничивается рамками эмпирического исследования. Он ставит перед собой весьма амбициозные задачи — раздвинуть привычные рамки теоретико-методологического исследования современного общества, вывести это исследование на принципиально новые рубежи, создав масштабную «теорию кентавризма». Предлагаемая им в монографии концептуальная модель данного феномена опирается на научный фундамент, построенный на стыке подходов социологии и социальной психологии, использует культурно-исторический подход и неклассическую теорию познания (с. 22). Она предполагает акцент на качественные методы исследования, однако допускает и органическое использование количественных методов (здесь автором применяется принцип дополнительности), а также матричной системы, разработанной и применяемой С. Кирдиной. Таким образом, научное здание под названием «феномен кентавризм» имеет как минимум два этажа — эмпирический и теоретический — и основывается на принципах дополнительности, использования разных конкретных подходов, дисциплин, методов исследования.

Безусловно сильная сторона теории Ж.Т. Тощенко в том, что он пытается трактовать «кентавризм» не только с точки зрения гносеологии, но и с позиции социальной практики. Автор проводит подробный анализ социальных проявлений «кентавр-проблем», механизмов их распространения в обществе. Благодаря этому ему удается создать весьма емкую картину внутренне противоречивых, несовместимых между собой феноменов общества — более содержательную, чем та, которая предлагается другими российскими авторами. Впрочем, это несколько не означает, что данная позиция сама не вызывает критических вопросов и замечаний. Например, говоря о двух сторонах любой «кентавр-проблемы», Ж.Т. Тощенко (как и критикуемые им авторы) подвержен дихотомизации мышления. К слабым местам представленной теории, на наш взгляд, можно отнести некоторую абсолютизацию понятия «кентавризм», а также несколько беглое и поверхностное описание ряда «кентавр-проблем», что не уменьшает значимости проделанной автором работы.

Концепция, предложенная в рецензируемой монографии, по сути дела, свидетельствует, что в условиях современного общества классические концепции и социальные теории уже не работают. Институциональная структура общества не соответствует прежним представлениям о ней. Отдельные индивиды, группы и институты действуют в своих собственных интересах, которые не стыкуются между собой и не обязательно связаны с общественным интересом. Теперь, как

А. Дмитриева (исследование этнонациональных проблем), Е. Омельченко и Е. Лукьяновой (анализ ксенофобии) и многие другие.

показал Ж.Т. Тощенко, существует большое разнообразие субъектов и типов действия; и задачей социологии становится их эмпирическое изучение. Однако исследование новых акторов и современных обществ в целом невозможно (неплодотворно) с помощью инструментария классических социальных теорий.

Даже популярные сегодня в социальной мысли марксистские понятия отчуждения, кризиса, противоречий и проч. не в состоянии адекватно ни описать, ни тем более объяснить современную социальную реальность, в том числе российскую. Современные индивиды уже не действуют в некоем стабильном институциональном контексте, для анализа которого классическая социология Дюркгейма имела понятие аномии, а марксисты — понятия отчуждения и социального исключения. Сегодняшние индивиды — где бы они ни жили — постоянно заняты поисками собственной идентичности, которую никакие социальные институты уже не могут им гарантировать на достаточно продолжительное время. Советский Союз с его всем понятными контекстами и «советской» идентичностью развалился; новые структуры кажутся не только не стабильными (по сравнению с классическими представлениями о «гиперстабильной» социальной системе), но и не привлекательными для постсоветских граждан, которые не хотят более самоидентифицироваться с ними. В результате ни национальное государство, ни глобальное сообщество не могут более интегрировать индивидов и гарантировать стабильность и не-«текучую» (Бауман) идентичность.

В своей монографии Ж.Т. Тощенко нащупывает те важные теоретические аспекты в развитии современной социологии, которые сегодня требуют изменения. Например, акцентируя понятие социальной практики, он отходит от классической теории социального действия. В качестве центральных для своего анализа Ж.Т. Тощенко избирает категории «опыт», «социальная практика» (хотя и не осуществляет их детальную теоретическую разработку), а не категорию субъекта. По мнению Ж.Т. Тощенко, именно социальные практики являются наиболее адекватными единицами социологического анализа новых проблем в контексте разрабатываемой им социологии жизни.

Несмотря на наличие теоретических размышлений, на наш взгляд, в центре исследовательских интересов Ж.Т. Тощенко оказывается эмпирический феномен кентавризма в его разнообразных формах проявления. Такой подход, по нашему мнению, делает монографию доступной для широкого круга читателей — от профессиональных философов и социологов до студентов и просто «интересующейся публики», — но не помогает самому автору обрисовать теоретические пути для дальнейшей систематической работы в избранном направлении, не способствует более глубоким философским концептуализациям

«кентавр-проблем». Представленная теоретическая конструкция вполне адекватна для первого этапа ее разработки. Однако в случае с Ж.Т. Гощенко было бы уместно ожидать появления фундаментального исследования, которое позволило бы сделать серьезную теоретическую заявку на собственный «диагноз времени», на новую интерпретацию постсоветского общества, включающую распад советской системы и постсоветские трансформации в логику и контекст мирового развития.

«Диагноз времени» уточняется после каждого значительного социального катаклизма. Таковым, безусловно, был и распад коммунистической системы — амбициозной по своим целям, хотя и неуспешной по результату альтернативы западному модерну, которая так и осталась пока до конца не осмысленной социальными учеными. Найти адекватную теоретическую интерпретацию этому катаклизму в рамках определенной картины социального мира — задача, которую, сознательно или нет, прямо или косвенно, помогает решать и рецензируемая монография.

Л.Г. Титаренко,
доктор социологических наук,
профессор Белорусского госуниверситета